

Вэй Сяолуань намеренно создала шум, чтобы прогнать Ван Саня, и поспешила проверить упавшего человека — молодой мужчина, казалось, был без сознания, но ещё дышал. Вэй Сяолуань заколебалась, ведь она не была знакома с медициной, разбиралась лишь в мёртвых. В этот момент её взгляд встретился с полуоткрытыми глазами лежащего на земле человека.

— Юй... моя великая цель ещё не достигнута, я не могу умереть... Если благодетель спасёт меня...

На дорогах Цзиньлина, среди зелёных башен и красных павильонов, год за годом проходили веселья, но всё это было лишь мимолётной суетой, как муравьи в мире снов. Только этот мужчина перед ней действительно жил.

— Хм, хотя тогда я был в замешательстве, но всё же помню, — раздался слегка хриплый голос Юй Бочэна. — Если когда-нибудь мы встретимся вновь, я готов отдать свою жизнь за тебя.

...

Ли Чжуннань, выйдя от Ли Юньси, казалось, понял его намерения.

Он вздохнул, осознавая, что каждый член клана Ли был выдающейся личностью. Торговля была презираема обществом, тем более банк Ли Юньси, который давал ссуды и взыскивал долги. Если люди не могли вернуть деньги, им приходилось подписывать договоры о продаже себя в рабство или закладывать семейные ценности. Но те, кто осмеливался брать такие займы, вряд ли имели что-то ценное в доме.

Те, кто не мог вернуть долг, могли лишиться жизни.

Люди по всей стране проклинали Ли Пэйчжи, богача, чья репутация была запятнана запахом денег, и который, по их мнению, позорил генерала Ли, нося звериные шкуры. Однако Ли Юньси не обращал внимания на эти насмешки, спокойно наслаждаясь чаем и кормя рыб в своём богатом доме.

Раньше учитель редко упоминал своих братьев, но когда говорил о десятом брате, всегда хвалил его. Тогда Ли Чжуннань был ещё молод и не понимал, почему. Теперь же он осознал, что, возможно, это действительно так — все говорили, что Ли Пэйчжи, как сова, вырастившая крылья, был примером непочтительного сына, но только учитель уважал его как журавля в облаках и дракона в глубинах.

Теперь к этому мнению присоединился и Ли Чжуннань.

Судя по словам Ли Юньси, он явно хотел, чтобы Ли Чжуннань вмешался, но не сейчас. Действительно ли Ли Юньси играл роль? Какое отношение к этому имели Чжу Лию и Тань Чжао? Однако, похоже, Ли Юньси не собирался раскрывать свои карты, и чтобы понять всё это, нужно было искать другие пути.

Погружённый в размышления, Ли Чжуннань поднял глаза и увидел Сяо Чжоухэна, стоящего под выступающим карнизом.

— Шутин.

— Да, ты вернулся.

Они стояли под карнизом, лицом к лицу. Хотя лёгкий ветерок разносил вокруг свежесть, оба

были погружены в свои мысли, и долгое время никто не произносил ни слова.

— Пойдём внутрь, десятый брат прислал чай, — наконец прервал молчание Ли Чжуннань, показывая Сяо Чжоухэну нефритовый чайник. — Выпьем чаю, успокоимся, а потом поговорим, хорошо?

Сяо Чжоухэн кивнул и последовал за Ли Чжуннанем в дом. После того как тот влил немного жизненной энергии в Хо Цичи, он нашёл инструменты для заваривания чая. Сяо Чжоухэн не разбирался в этом, из всех предметов он знал лишь чайник для кипячения воды. Поэтому, вскипятив воду, он сел и наблюдал, как Ли Чжуннань измельчает чайные листья, наливает воду и готовит чайную пасту.

В каждом движении Сяо Чжоухэн вдруг почувствовал странное умиротворение... Если бы только они могли всегда быть такими.

— Кажется, я начинаю понимать, что происходит с десятым братом, — сказал Ли Чжуннань, ожидая, пока вода закипит во второй раз, и повернувшись к Сяо Чжоухэну, который всё это время смотрел на него.

Однако, заметив, что у того покраснели глаза, он хотел спросить, но в этот момент в дверях появился человек, прервав его слова.

Хань Теи с тёмными кругами под глазами, увидев, что двое в комнате собираются что-то сказать, понял, что появился не вовремя, и вежливо удалился.

— Хань, учитель, останься и послушай, — сказал Ли Чжуннань, протягивая ему только что заваренный чай. — Или хотя бы выпей чаю.

— Не смею, за пределами резиденции Ли, если восьмой господин не против, можете звать меня Дунчи, — Хань Теи вернул шаг назад.

— Хорошо, брат Дунчи.

Хань Теи кивнул, взял чашку и больше не отказывался, сев на стул.

Сяо Чжоухэн начал первым:

— В тот день в усадьбе действительно кто-то устроил беду, и именно из-за того, что снег затопил уборную, удалось спланировать маршрут Мяомяо той ночью.

— Согласно словам Хуапин, рыбы в пруду всплыли не случайно, она несколько ночей подряд видела, как Чжу Лию бродил у пруда во дворе, — продолжил Сяо Чжоухэн. — Я также спросил других служанок, те, кто согласился говорить, подтвердили это, но они были слишком далеко и не знали, что именно он делал.

— Только Чжу Лию?

— Нет, конечно, с ним были ещё двое слуг из усадьбы, но, — Сяо Чжоухэн сделал паузу, — эти двое недавно сломали ноги, спускаясь с горы, и, вероятно, сейчас отдыхают где-то.

Сяо Чжоухэн подчеркнул слово «отдыхают», говоря это, он чувствовал тревогу, и его руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Понятно, вероятно, Чжу Лию что-то замышлял, — Ли Чжуннань, видя беспокойство Сяо

Чжоухэна, почувствовал боль в сердце, и его брови нахмурились. — Поэтому вопрос о том, знал ли десятый брат о планах Чжу Лию, ещё требует обсуждения.

— Возможно, Чжу Лию экспериментировал с порохом у пруда, чтобы точно рассчитать, куда упадёт огненный шип после взрыва на горе.

— Как думаешь, мог ли Чжу Лию хотеть убить князя Му или Сифу? Или он не планировал убивать, а просто хотел добавить ещё одну беду в усадьбу? — сказал Сяо Чжоухэн. — Мяомяо пошла к уборной на заднем дворе, возможно, чтобы стать свидетелем. Но что-то пошло не так, и они оба погибли под обломками. Поэтому Сифу воспользовался неудачным планом Чжу Лию, чтобы, во-первых, под предлогом беды в банке сблизиться с князем Му, а во-вторых, передать шестому брату, что он уже выбрал свою сторону?

— Сейчас это кажется логичным, учитывая нынешнее положение десятого брата, его поддержка любой стороны была бы ошибкой. Когда я спросил его, он не захотел мне говорить, — сказал Ли Чжуннань. — Насколько я знаю, он человек принципов, а не тот, кто склонен к предвзятости, возможно, со временем люди меняются.

Сяо Чжуннань, услышав такие слова, действительно подумал, что Ли Юньси выбрал сторону.

Неужели смерть Чжу Лию и Мяомяо была результатом неудачного расчёта Чжу Лию, приведшего к обратному эффекту?

Кроме того, Ли Юньси уже давно порвал с кланом Ли, так какой смысл было так усердно заманивать их всех сюда, чтобы передать Ли Юньси одно сообщение?

Сяо Чжоухэн снова запутался, вспоминая ужасную сцену с Чжу Лию и Мяомяо, он чувствовал, что поездка в банк Таобай была не такой простой, а доказательств у него было слишком мало, и он чувствовал, что что-то не так. Он лишь вздохнул и взял чашку со стола.

— Не так, — едва сделав глоток, он почувствовал вкус чая, нахмурился и резко поднял глаза, встретившись взглядом с Ли Чжуннанем.

— Действительно, не так, — Ли Чжуннань поставил чашку. — Но я не могу понять, в чём дело.

— У меня есть догадка, — Сяо Чжоухэн снова взял чашку, ощущая рельефный узор на её краю. — Но без доказательств.

Ли Чжуннань улыбнулся:

— Говори.

— Возможно, он уже давно намекал шестому брату через чай, — вздохнул Сяо Чжоухэн. — К сожалению, шестой брат в тот день пил старый чай и не понял намёка Сифу.

— Логично, — кивнул Ли Чжуннань.

— В тот день я подумал, что шестой брат намеренно придирается ко мне, — с улыбкой сказал Сяо Чжоухэн. — Заставляя меня признаться в убийстве Юй Ин.

Услышав это, Ли Чжуннань выглядел смущённым:

— Шутин, прости, если бы я знал причину, я бы не стал тебя мучить.

— Это не мука, ничего страшного, — покачал головой Сяо Чжоухэн. — Тебе не нужно винить себя, на самом деле ты был прав, если бы не ты, кто знает, что бы со мной случилось позже.

Сяо Чжоухэн сделал паузу, поднял голову и улыбнулся:

— У меня широкое сердце, я не злопамятен.

Потеря учителя: см. мою работу «Зелёный всадник дракона».

Юй Бочэн был подло убит Ван Санем в главе 17.

Сова, вырастившая крылья: xiāo niǎo shēng yì — сова, неблагодарная, выкормившая птенцов, которые затем выклевали ей глаза. Метафора неблагодарности.

<http://bllate.org/book/16134/1444681>